

Стопка тетрадей, ручка с алой пастой, учебник, рамка с чёрно-белой фотографией. На столе щепетильный порядок. В школе царила тишина, лишь тикали часы, а в конце коридора слышался разговор. Женщина вздохнула и взяла следующую тетрадь.

"Что такое патриотизм?"

На губах женщины невольно проскользнула лёгкая усмешка. Нужно отвести героя Советского Союза на второй план, смотреть на сочинения, как обычная учительница русского языка. Нельзя так всё пропускать через себя, тем более писанины десятых классов.

"Патриотизм - чувство любви к Родине, готовность защитить её в любой момент, если это потребуется"

Всё верно, но юные партизаны не думали об этих определениях, которые Елена Викторовна заставляла писать будущих выпускников. И дети послушно корпели. Хотя дети ли? Им уже по шестнадцать-семнадцать лет, почти взрослые. Деревенские добровольцы в этом возрасте считали себя уже личностями.

И не зря.

– Елена Викторовна, - позвал юный голос со стороны двери, – можно?

Женщина подняла голову на источник голоса. Перед ней стояла девушка пятнадцати лет с светло-русыми плотно заплетёнными косами, серыми, чистыми глазами.

Подтянутую фигурку облегает платье, плечи широкие, на одном висит ляжка ранца.

Кажется, она занимается фехтованием.

– Женя? Здравствуй, - выдавив улыбку, произнесла учительница. – Конечно, заходи.

– Саша, - мягко улыбнувшись, напомнила девушка, переступив порог.

– Елена Викторовна, меня на следующей неделе не будет: на три дня мы с волонтерами едем на фестиваль в город, а на следующий день соревнования. Я всё нагоню, успеваемость не испортится, - отрапортовала ученица, скидывая рюкзак на первую парту среднего ряда и вызволив из него листок бумаги, сложенный вдвое.

Елена Викторовна не успела сказать что-либо: ни извиниться за оговорку, ни уточнить про успеваемость, ни про математику, ни про соревнования. Шустрая девятиклассница её попросту опередила.

– Справку подписать? Ну, давай-давай, - женщина нащупала на груди очки и усадила их на переносицу. Как только листок был на столе, она критическим взглядом окинула почерк. – Точно мама писала? - шутливо уточнила преподавательница русского.

– Когда я вас обманывала? - так же игриво возмутилась Александра.

Елена Викторовна тихо рассмеялась, оставляя подпись на справке.

– Елена Викторовна, а можно спросить? - пока женщина оставляла закорючку подписи, девушка устремила взгляд на фотографию на столе.

Чёрно-белый снимок отзывался холодком по спине какой раз: было ощущение зеркального отражения. Светлые глаза молодой женщины с фотографии улыбались, горели, во взгляде читалась "чертовщинка". На губах сияла добродушная усмешка.

– Да, Сашенька? - кивнула Елена Викторовна, подняв взгляд на ученицу. Она проследила за взглядом девушки, устремленной к фотографии.

Учитель мягко улыбнулась и салфеткой стерла разводы со стекла рамки.

– Это... Кто? - несмело спросила Саша, вернув взгляд на классную руководительницу.

Елена взглянула на ученицу с той же доброй, ностальгической улыбкой.

– Это, Сашенька...

•••

– Женя, сходи за водой, пожалуйста! И не забудь траву покосить у забора! Мальчики из города скоро вернутся!

– Хорошо, мамочка!

Светловолосая девчушка выбежала из небольшого деревянного дома, грохоча двумя ведрами. Она мурлыкала себе под нос песню.

– Здравствуйте, Агафья Петровна!

– Здравствуй, Евгеша.

– Здравствуйте, Иван Петрович!

– Здорово, Женек!

К бегущей девочке сбоку подстроились темноволосые мальчик и девочка. Увидев друзей, Евгения весело улыбнулась и притормозила.

– Привет! - радостно выдала Женя, а на её щеках заиграли ямочки. – Тоже на колодец?

– Привет, ага, - кивнула ей Лена, перехватив огромное для миниатюрной девочки ведро. – Мама сказала, что у Нюры опять животик болит. Она ей чай специальный сделает, и пройдет.

Коля лишь кивнул, подтверждая слова сестры-погодки.

– Да, ваша мама прямо чудо, - улыбнулась Евгения, откидывая светлые косы с лентами назад.

– Ты сегодня косить будешь? - несмело спросил Николай у подруги, глянув на неё и покрутив ведра туда-сюда, чтобы размять затекшие запястья. - Володя и Леня еще не вернулись же?

– А как же, буду, - с той же улыбкой ответила Женя. - Сегодня вечером вернутся.

– Давай я тебе помогу? - предложил Коля, тут же опуская взгляд на босые ноги и песчаную дорожку.

– Буду очень рада, - качнула головой Евгения, в край приободрившись. Не так скучно будет.

Лена ничего не сказала, лишь улыбнулась, глянув сначала на брата, а потом на подругу.

– А я пойду на поляну землянику собирать, - подумав, сказала сестра Коли.

Евгения с улыбкой кивнула и размяла плечи.

– Через три дня мой день рождения... Мама говорит, что я уже почти взрослая, - девочка несколько гордо подняла нос к солнцу и сморщила его, поскольку солнечные лучи щекотали теплом.

– Тебе же будет четырнадцать? - Коля взглянул на подругу и, получив кивок, хмыкнул.

– А двадцать второго мы поедем с мамой в город, нас Ефим отвезет, - гордо сказала Женя.

Девочка откинула голову немного назад. Женя с совсем юного возраста отличалась общительностью, добродушием, готовностью помочь всем и всегда. Поэтому вся Михайловка отлично знала девчонку, которая живёт на окраине.

Николай умело опустил шест журавля, опуская ведро в колодец. Его дно ударилось о поверхность воды, а Женя ловко перекинулась через борт, заглядывая в темноту глубины.

– Женя, осторожно, - с волнением посоветовала Лена, взглянув на подругу. Она откинула плотные косы за спину и подошла к борту, остановившись слева от подруги.

– Говорят, в старом колодце младший брат Ефима утопился, - хмыкнул Коля, медленно поднимая ведро, напирая на шест журавля руками. – Тоже вниз заглянул и ухнул.

– Колька-Колька, - покачала головой Евгения, чуть усмехнувшись, - любишь ты сплетни старушек подхватывать. Мне Леня рассказывал, что эти истории - неправда. Клим в лесу пропал.

– Ой мамочки, час от часу не легче! - выдохнула Лена, отпрянув от борта колодца.

Мальчик в ответ Жене лишь пожал плечами, мол, не хочешь - не верь, и опустил первое наполненное ведро на землю. За ним последовало второе, а потом и третье. Спустя час дети вернулись, уже распевая "Калинку", слегка пританцовывая, но так, чтобы не расплескать воду из полных вёдер. Ребята разошлись по домам, но через пятнадцать минут Коля подошёл к дому Евгении. Женя, напевая под нос "Гори-гори, моя звезда", размахивала косой, рукоятка которой даже возвышалась над её макушкой. Коля улыбнулся, удобнее перехватив свою косу удобнее и пристроился рядом с подругой, синхронно с ней ловко срезал траву. Звонкий голосок девушки вспарывал тишину, окружающую их.

Спустя два часа работы под палящими лучами солнца ребята опустились на дорожку. Женя обняла колени и выдохнула, смахивая ладонью пот со лба.

– Помню, как в памятный вечер... - тихо пропела Евгения, улыбнувшись и сбито дыша.

– Падал платочек твой с плеч, - негромко подхватил Коля, пристроившись рядом с подругой.

Так ребята и распевали песни про заветный платочек, про звезду, пока ближе к вечеру к детям не подошли Володя и Лёня. Немного попев с мальчиком и девочкой, старшие позвали младшую сестру домой, а Коля отправился домой.

...

– Когда я пришла домой, Кольки не было, - тихо, с улыбкой произнесла Елена Викторовна, взглянув на затихнувшую ученицу медленным взглядом. – Он пришёл поздно, лег на печку и сразу уснул. Улыбался, будто ему пряников отсыпали...

Саша сидела на краю парты и смотрела на учительницу затаив дыхание, пытаясь уловить каждое её слово.

– А потом? - не вытерпев паузу Елены, выдохнула девушка.

– А потом... Началась война...

...

– Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление: сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев...

Дальше Женя не слушала. Она выскочила из дома к полянке. Она знала, что её там ждут. На полянке стояли растерянные Коля и Лена, ошарашенно глядящие по сторонам.

– Ты слышала? - выдохнула девочка, обескураженно глядя на подругу.

– Слышала, - качнула головой Евгения, складывая руки на груди.

– Да не переживайте вы. Советская армия разметет этих сволочей, - махнул рукой Николай, хмыкнув. – От них мокрого места не останется.

– Житомир и Киев от нас где-то в пятистах километрах. На самолётах и глазом не моргнут, - медленно произнесла Женя, нервно накручивая хвостик косы на указательный палец.

– Не доберутся...

...

– Колька с юности был самоуверенным. Ну через чур... Володька с Ленкой ушли на фронт. А, когда в июле немцы дошли до нашей деревни, Коля одним из первых хотел броситься на защиту, - голос Елены Викторовны отчаянно хрипнул, дал слабину. Слез не было, но глаза остекленели, остановившись в одной точке.

– Елена Викторовна, вы... Вы не плачьте. Если не хотите, не рассказывайте дальше, - замотала головой Александра, вскочив с парты. Она положила теплую ладонь на похолодевшие, шершавые руки учительницы.

– Нет, всё в порядке... Их подвиг должен хоть кто-то знать, - мотнула головой Елена Викторовна, выдыхая. Из её гортани донёлся тихий хрип сжатого воздуха, скрытого крика и истерики. Но она держалась. – Было двадцать четвертое июля, как сейчас помню...

•••

Крест Мессершмитта тенью лег на поле. Первый, второй... Пятнадцатый, шестнадцатый... Тридцать два. Тридцать два чертовых бомбардировщика.

Евгения поспешила к дому. Июльское солнце яростно палило, жарило, но девушка бежала. Земля оставалась на босых стопах, косы сбились. Наконец, родной домик.

– Немцы...! - сбито выпалила Женя, согнувшись пополам, чтобы перевести дыхание. – Они совсем близко... Мессеры...

Из дома, услышав крик дочери, вышла Валентина, мать Евгении.

– Вот ироды немецкие... Животные, - сквозь зубы тихо прошипела женщина, поправляя косынку.

Валентина нежно погладила по волосам дочь, прижимая её голову к груди.

Неожиданно земля в буквальном смысле затряслась, деревеньку оглушил гулкий звук.

Птицы с деревьев леса взлетели тучей вверх, истошно вопя.

– Мамочка, - сипло шепнула девушка, крепче прильнув к матери. Женщина, защищая дочь, двумя руками прижала к себе её светловолосую голову. – Там мельница...

– Still stehen! (Нем. Стойте на месте) - донёлся лающий акцент немца до слуха матери и дочери. – Русский, вийти von Häusern (из домов).

Женя медленно повернула голову. Целый отряд крупных мужчин возраста от 20 до 50 лет вошёл в деревню. Человек 30. Один из них быстрыми и широкими шагами направился к девушке и её матери. Другие отправились в остальные дома.

Осознание вспороло растерянный разум яркой молнией. Немцы. Эти твари пришли в деревню, чтобы избавиться, поработить, заграбастать себе. Так говорил Лёня.

Мужчина в грязно-серой форме быстро подошёл к Валентине и её дочери. Он железной хваткой ухватил девушку за косы и дёрнул от матери. Женя тихо вскрикнула, вынужденная оторваться от женщины. Та ахнула и протянула руки к дочери, пытаясь ухватить хоть за запястье.

– Mädchen ist sehr gut (нем. девка-то хороша), - басом протянул фашист, приподняв голову Жени за косы и ухмыльнувшись. Девушка морщилась, пытаясь освободить волосы из хвата мужчины, отводила взгляд от мерзкой ей рожи.

– Пусти, сволочь немецкая, - шипела Евгения, слегка мотая головой.

Мать Евгении не выдержала и дёрнулась к дочери, но немец, окинув женщину суровым быстрым взглядом, наотмашь ударил её по лицу. Она сипло вскрикнула, голова мотнулась, словно на шарнире. Валентина не удержала равновесия и упала на землю. Косынка спала, на скуле остался алый след руки фашиста.

– Мама! - вскрикнула Женя, попытавшись оттолкнуться ногой от мужчины.

– Не лесь, Hündin (нем. собака), иначе пеняй на сепя, - с заметным немецким акцентом на ломаном русском прорычал немец, рывком отпустив волосы девушки. Та сразу упала на колени рядом с матерью. Женя прильнула к груди Валентины, дрожа и беззвучно всхлипывая. Девушка быстро поняла, что чудом не лишилась самого дорогого в её жизни - матери. Женщина стала гладить дочь по волосам, стараясь успокоить.

Немец выхватил револьвер и взвел курок. Серебристое оружие опасно щелкнуло. Фашист угрожающе направил дуло на женщину и, заметив страх в глазах обернувшейся девушки и её матери, захохотал. Смех был мерзкий, издевательский, булькающий...

– Не тронь! Не тронь их! - донесся звонкий голос Коли из соседнего дома. Паренек первый, как пробка, вылетел из избытки из-за пинка немца. Другой схватил его за грудки и подтянул к себе. Юноша был ещё низким, а фашист довольно высоким, потому из-за этого жеста мужчины стопы Николая оторвались от земли.

– Kleiner Idiot, - рыкнул немец, рывком отпустив паренька на ноги, а потом ударил его кулаком в лицо. – Не мешайся, щенок.

Коля молча согнулся пополам, прикрыв лицо ладонью. Паренек сплюнул кровь на песок, поджав разбитую нижнюю губу. Николай проводил взглядом мать и Лену с Аней на руках. Женщина что-то быстро бормотала, причитала, умоляя не трогать детей. Маленькая Нюра плакала, обхватывая шею старшей сестры, а по щекам самой Лены тоже струились слезы, оставляя влажные дорожки. Девушка дрожала, прижимая к себе малышку, стараясь не споткнуться за камни.

– Они нас убьют, - сухими губами шептала девушка, прижимая к себе маленькую сестру. – Убьют...

От этих слов Аня взывала громче.

Коля спешно дёрнулся к сёстрам и поравнялся с ними, хрипло оборвав Елену:

– Не смей так говорить, поняла, дурочка? Успокаивай Нюру, а не нервируй. И меня тоже.

Коля костяшкой пальца стёр с щёк сестры слезы и мотнул головой, серьёзно сведя брови к переносице. Лена еле-еле кивнула, поглаживая сестру по спине и бросив быстрый взгляд на губу брата. Девушка тихо всхлипнула, а потом скрыла лицо, отвернув его.

– Schnell-schnell (быстро-быстро), - с издёвкой поторапливали испуганных жителей Михайловки немцы.

– С ними, - коротко приказал фашист Жене и её матери, качнув головой на поток жителей деревни. – Schnell.

Женя рывком поднялась на ноги и помогла маме встать. Она спешно взяла женщину под локоть и повела к другим. Лишь бы не выстрелили в спину...

Хлопнул выстрел. Женя мгновенно затаила дыхание, не поворачивая головы. За выстрелом последовали немецкие слова, видимо, с недобрый посылом, женский крик и глухой звук упавшего на землю тела. По толпе жителей Михайловки прокатился "ах". Женя медленно обернулась, отпуская мать. На земле лежал Федя, семнадцатилетний парень, комбайнер, сын Агафьи Петровны. На виске сиял ало-синий след от удара, а на спине на рубахе появилось кровавое пятно после выстрела. Из уголка приоткрытых губ струилась кровь. Его мать с ужасом глядела на тело сына и шептала его имя, пока немец, не устав самодовольно глядеть на материнскую трагедию, не ударил её прикладом автомата в спину. Женщина, качнувшись, медленно, на ватных ногах последовала за соседями.

Валентина не дала девушке надолго замереть и потянула дальше.

Михайловцев столпили на небольшой полянке у поля. Колоски ржи колыхались вслед потокам ветра, словно никакие пришельцы не ворвались в более или менее спокойную жизнь деревни. Хотя, спокойной назвать её было нельзя - они жили в ожидании приближения фронта. Это и произошло.

Дети жались к матерям, женщины старались не плакать, чтобы не вызвать гнев фашистов и новую волну страха детей.

– Женя, - прошептал Коля, подобрившись ближе к подруге. Он вдруг схватил её за руку, крепко и больно, точно девушка может испариться в любой момент. Евгения вздрогнула и обернулась на голос друга, не ощутив боли от хватки его холодной руки. Он хотел сказать что-то еще, но не успел: с одной стороны к его плечу прильнула Лена, а с другой торопливо заговорила подруга.

– Коля, мне страшно, - шепнула Женя, ощущая, как паренёк сжал её руку сильнее.

– Всё хорошо будет, - быстро прошептал Коля, пытаясь приободрить девушку.

Немцы что-то громко приказывали на ломаном русском, но понимали их единицы.

Женя поняла лишь то, что теперь в их домах будут жить немцы, что все сломано. В конец.

В следующий момент по толпе жителей прокатилась волна осуждающих возгласов. Конечно, комсомольцы, пионеры - все были против главенства немцев в их небольшом, но отважном поселке.

- Смерть немецкой твари! - выпалил Ефим и первым шагнул к немцам, подхватив с земли какую-то крупную изогнутую ветку. Некоторые мужчины и молодые люди, а за ними и женщины подхватили его порыв, но эсесовцы направили на них винтовки и начали стрелять в упор. Затрещали выстрелы, люди падали наземь. Лена звонко взвизгнула и упала на землю, крепко обняв младшую сестру и закрыв её своим телом. Все стихло.

- Das ist alles (нем. это все), - прорычал один из немцев.

- Bist du sicher? (нем. Ты уверен?) - послышался другой, более молодой тембр.

В ответ ему был лишь нечленораздельный звук вроде “угу”.

•••

Елена Викторовна вновь замолчала, глядя на фотографию. Женщина спустила с переносицы очки, прикусив края дужки. Учительница взяла бело-голубой свежестиранный платок и промокнула уголки глаз.

– Я не помню дальше, потому что от страха потеряла сознание, - едва слышно произнесла учительница, прислушавшись к сбитому дыханию Александры.

Девушка, бледная, сидела на краю парты во все глаза глядя на женщину.

– Коля остался жив..? - выдохнула Саша, с трудом произнося слова.

– Остался...

•••

- Ленка! - придя в себя, выпалил Коля и наклонился к сестре. Женя к тому моменту встала на ноги и взяла плачущую Аню на руки, покачивая ее из стороны в сторону. - Ленка, открой глаза... Глупая!

Паренек дернул сестру за плечи, заставляя обмякшее тело Елены приподняться.

- Женя, мама спит, Леля спит... Они не проснутся, да? - растирая слезы по испачканному личику кулачками и шмыгая носом, протянула Нюра, прильнув к подруге старших.

– Нет-нет, Анюточка, всё хорошо будет, - хрипло прошептала Женя на ухо малышке, погладив её по спинке.

Про мать ребят было всё ясно с первого взгляда. Чуть выше ключицы женщины была пулевая рана, по её шее и плечу до сих пор струилась ярко-алая кровь. Глаза её были распахнуты и устремлены к небу, точно она просила Бога сохранить её детей в живых. В опустевших серо-зеленых глазах отражалось небо, а на них еще блестели слезы, не успевшие испариться.

– Ленка! - хрипло крикнул Коля, прижав тело сестры к себе. Его плечи задрожали от отчаяния, но сзади паренька обняла мама Евгении. – Тётя Валя...

– Нет-нет, Коленька, с Леной всё хорошо, - успокаивающе тихо произнесла Валентина, проведя по коротким волосам юноши и оглянувшись на торопящихся по домам выживших соседей. – Отнеси её домой, дай ей отдохнуть...

– А с мамой... - медленно, осознавая скрытую недоговорку женщины, пробормотал паренек. Он повернул голову к телу матери и разомкнул губы, бледнея.

Юноша нашел в себе силы вернуть взгляд к сестре, которую он прижал к себе. Коля тяжело выдохнул и тут же замер: Лена слабо постаралась ладонями оттолкнуться от груди брата.

– Коля,пусти, - прошептала девушка, мотнув головой. В глазах темнело, но тепло груди брата и его голос Елена быстро узнала.

– Ленка, - с некоторым облегчением выдохнул Коля, невольно проведя по волосам сестры, ему казалось, что она сейчас же исчезнет.

Лена осторожно отстранилась от брата и, как только мир приобрел четкость, нервно огляделась в поиске младшей сестры, быстро вспомнив о произошедшем.

Люди вокруг всхлипывали, дети плакали чуть не навзрыд, лишившись матерей, братьев, отцов. Кто-то брал маленьких соседей, оказавшихся сиротами, к себе. Из полусотни жителей в живых осталось меньше тридцати.

– Лёля! - всхлипнув, выкрикнула испуганная Аня, протягивая руки к старшей сестре. На глазах малышки еще блестели слезы, в глазах читался ужас. Женя не дала малышке оказаться на руках у обернувшейся на детский голос подружки.

- Аня, солнышко, пойдем... А Лена с Колей к нам придут, - Женя максимально быстро хотела уйти с этого проклятого места, где лежали тела таких породнившихся ей за четырнадцать лет людей. Да и зрелище это было совсем не для детских глаз.

Лена медленно подняла взгляд на Женю и, заглянув в ее глаза, проглотила ком в горле. Девушка медленно перевела взгляд на тело матери и, быстро поменявшись в лице, буквально завывала и уткнулась лицом в плечо брата.

Не дожидаясь ответа Нюры, Женя спешно направилась к своему дому, бросив быстрый взгляд через плечо на Колю и Лену, рядом с которыми молча сидела Валентина, приобняв их, а затем глянула на тело матери друзей. Аня прильнула к плечу девушки, крепко обвив ее шею маленькими ручками, точно утопающий за ветку.

- Ну, чего ты, котенок? Лена с Колей скоро придут, - выдавив из себя натянутую улыбку, Женя погладила девочку по спине.

- А мама не придет же, да? - тихо-тихо, едва слышно произнесла Нюра, уткнувшись носом в плечо старшей.

Женя абсолютно растерялась. Не могла же она сказать двухлетней малышке, что ее мать расстреляли нацисты и она будет похоронена у одной из берез в поле.

- Знаешь, а мы с тетей Валею будем играть в дочки-матери, - постаралась выкрутить в игру весь ужас ситуации Евгения, надеясь, что Аня примет ее версию произошедшего. Аня молча мотнула головкой, не поднимая лицо с плеча девушки. Через пару секунд девочка поменяла положение головы и расслабила ручки. Женя поняла, что малышка задремала у нее на руках после пережитого страха. Девушка тяжело вздохнула и зашла в свою избушку. Евгения мгновенно обомлела. Все сундуки, доставшиеся Валентине от матери, были распахнуты, валялись на дощатом полу, как и вещи из них. Сажа из печи черными следами тяжелых, огромных ботинок была всюду на полу. Девушка быстро поняла, что искать украшения бабушки бессмысленно: эсесовцы забрали их как трофеи.

Евгения отрывисто выдохнула носом, глотая ком в горле, и, подойдя к своей кровати, положила на нее девочку. Аня подложила руку под щеку и, сопя, продолжила спать.

Женя села рядом на пол, притянула колени к себе, сложила руки на них, и, спрятав в руках лицо, беззвучно заплакала. Сколько она плакала, девушка не поняла, казалось, что несколько часов, но спустя время Евгения провалилась в сон по той же причине, что и Нюра.

...

Проснулась Женя лежащей на постели. Солнце уже садилось, кажется было около одиннадцати часов ночи. Евгения медленно подняла голову с затекших рук, сложенных крестом, и огляделась полу-пустым и сонным взглядом. На лавке за столом сидели Лена и Коля, Валентина сидела напротив, она и юноша о чем-то разговаривали. Сестра парня молчала, прильнув головой к плечу брата, видимо, она спала. Рядом с Женей, у стены, еще посапывала Аня. Девушка обвела взглядом дом и протяжно зевнула, постепенно вспоминая произошедшее. Остаточный ужас и адреналин промчались по спине холодком и табуном мурашек.

- Который час? - с сонной хрипотцой спросила девушка, спуская босые и грязные ноги с кровати.

На голос Евгении Коля и Валентина повернули головы, замолчав. На лице ни того, ни другой, не скользнула ни единая эмоция, точно сегодняшнее событие высосало из них всю жизнь. Как показалось Жене, в волосах Валентины в свете лампы, которая была единственным источником света в доме, блеснуло серебро.

- Одиннадцатый, - коротко ответила женщина, подойдя к печи и положив кашу в тарелку. Поставив Женину порцию на стол, Валентина подошла к дочери и крепко обняла ее, немного покачнувшись. Евгения уткнулась лицом в изгиб шеи матери, облегченно выдыхая.

Ни та, ни другая не произнесла ни слова. Они поняли друг друга молча, знали, что обе счастливы, что остались живыми. Что их не постигла участь многих соседей.

Коля ревностно отвел взгляд и спешно отвернул голову в сторону. На его глазах уже не было слез, ведь плакать при Жене было бы стыдно.

Девушка слегка отстранилась от матери и направилась к столу, ведь она была ужасно голодна. Валентина вернулась на место и села рядом с дочерью, перебирая ее косы так нежно, что казалось, что Женя была хрустальной.

- Я отнесу Лену, а потом заберу Аню, - прошептал Коля, бросив быстрый взгляд сначала на среднюю сестру, а потом на самую младшую.

- Ты что, куда ты, - женщина спешно помотала головой, кладя ладонь на руку юноши, что лежала на столе. - поспите на кроватях Лени и Кости.

Коля вздохнул и опустил взгляд в испачканную сегодня белую скатерть, что лежала на столе, понимая, что тут не поспоришь. Конечно, парень осознавал опасность проживания троих детей в одиночку, без родителей. Он был не из тех, кто напрасно строил из себя героя Советского Союза, потому лишь чуть кивнул.

- Ленка, - шепотом позвал Коля, чуть пошевелив плечом, чтобы немного тряхнуть голову сестры, покоящуюся на нем. - Проснись, давай перебираться...

Женя ела кашу, следя за каждым движением мышц на бледном лице Лены. Дрогнул уголок губ, затем дрогнули брови по направлению к переносице. Девушка сжала побледневшие губы в тонкую линию, приподнимая голову с плеча брата. Она сонно пробормотала что-то нечленораздельное, а потом уперла висок обратно в плечо Коли.

- Пусть еще подремлет, там еще постелить нужно, - качнула головой Валентина, поднявшись с лавки. Она достала из сундука какое-то одеяло, еще какие-то ткани, подушки и стала стелить ночлег детям.

- Колька, - шепнула Женя, сжав ложку в руке, - ты, главное, не отчаивайся, слышишь? Ты сейчас их главное спасение.

Юноша внимательным взглядом посмотрел на подругу, а потом взял ее свободную руку в свою и чуть кивнул.

Вскоре место для сна было готово, Коля все же был вынужден разбудить сестру. Лена еле разлепила веки, подняв помутневший взгляд на Женю. Евгения выдавила легкую, максимально непринужденную улыбку.

– Ну, ты как? - тихо спросила девушка, посмотрев на Елену.

– Легче, - коротко и хрипло ответила та, повернув голову на брата. Она посмотрела на его разбитую нижнюю губу и слегка коснулась её пальцем. Коля поджал губу и подался назад, мотнув головой.

Женя посмотрела на разбитую губу друга и тяжело вздохнула. Девушка отодвинула пустую тарелку и встала с лавочки.

– Идём спать, - позвала Евгения и посмотрела на друзей.

Ребята отправились в другую комнату. Женя легла на кровать Леонида, а Коля с Леной - на кровать Владимира.

Вскоре девушка услышала, что на соседней кровати кто-то засопел. Тогда Евгения сжала уголок подушки и крепко прижалась к ней щекой. Слез не было, но воздуха не хватало.

– Лека, - прошептала сквозь всхлипы Женя. – Лека, что мне делать... я хочу жить...

– Женька, - позвал шепот с соседней кровати. Девушка вздрогнула и затихла, прислушавшись к шепоту. – Женька, не плачь, слышишь?

– Я и не плачу, - быстро ответила девушка, накрывшись одеялом по нос, хотя было довольно жарко.

– Вот и не плачь, - отозвался шепот. – Мы с Ленкой вернёмся, отвезем тебя в город. Обещаю...

Тёмная комната сменилась на солнечную картину. На дороге стояла темно-зеленая машина с открытым кузовом. А перед Женькой, рядом с ней, были братья. Они ободряюще улыбались, теребили плотно заплетенные косы, подшучивали.

- Разобьем этих уродов и сразу вернемся, ясно? И не скучай, - шутливо-приказным тоном произнес Володька, потрепав сестру по волосам.

Девушка оторвала лицо от гимнастерки Лени, шмыгая носом. Его еще щекотал приятный запах земли, пота и свежескошенной травы, который всегда преследовал обоих братьев.

- Вот именно, нашла чего реветь. Куда ты от нас денешься? - усмехнулся Леонид, погладив Женю по плечам. - Чего ты?

- А если что-то случится, - несмело выдавила девушка, притянув в объятия и самого старшего, Володьку.

Молодой человек не сопротивлялся, лишь потер колючую щетину, а потом провел по волосам вновь всхлипнувшей сестры.

- Да где наша пропадала! - отмахнулся Володька, улыбнувшись и глянув на Леонида. Тот слабо улыбнулся брату, но в глазах читалось напряжение.

- Эй, молодые люди, мы только вас ждем! - послышался с кузова недовольный мужской голос с легкой хрипотцой.

Ленька с Володькой рывком синхронно повернули головы и тут же отшагнули.

- Вы вернетесь! Клянитесь! - выпалила Женя, ухватив братьев за рукава так крепко, что побелели костяшки. - Пообещайте мне!

Юноши не ожидали услышать такой металл в голосе младшей сестры и столь неистовый взгляд.

- Обещаем, - запнувшись, в унисон качнули головами молодые люди, наблюдая, как глаза Жени вновь наполняются слезами.

- Анисимовы! В дезертиры подались?! - рыкнул водитель, выйдя на ступеньку машины и подавшись немного вперед.

- Никак нет! - крикнул в ответ Леонид и быстро поцеловал Женю в лоб, развернувшись на пятках и направившись в кузов машины. Примеру младшего последовал Владимир. После он подошел к матери, которая молча стояла за спиной девушки, поцеловал ее в щеку и спешно залез в кузов к брату.

Машина уехала, а Женя долго махала ладонью вслед, не обращая внимания на безудержный поток соленых слез, скользящих по щекам и капающих на ситцевое платье.

•••

- Спустя два месяца после начала войны Жене пришла похоронка, а через неделю - нам, - тихо пробормотала Елена Викторовна и заботливо провела салфеткой по стеклу рамки в районе глаз девушки, будто та плакала.

- Леонид Анисимов? - эхом отозвалась Саша, вглядываясь в глаза изображенной на фотографии героини, точно пытаясь понять: до сих пор плачет ли Женя или нет. - А про этот сон она Вам сама рассказала?

- Да, следующим же утром мне Колей рассказала, - качнула головой женщина, сцепив пальцы и посмотрев куда-то вперед перед собой.

- А родственники у нее есть? Ну, внуки там... - вдруг с надеждой спросила девушка, взглянув на преподавательницу.

Елена Викторовна заглянула в глаза Саши. Во взгляде девушки читался интерес биографа.

- Дети в шестнадцать лет? - медленно спросила женщина, не сразу поняв вопрос ученицы и сведя брови к переносице.

Александра опешила и вновь перевела взгляд на фотографию.

- Ей было шестнадцать? - в шоке, еле выговаривая слова, произнесла старшеклассница.

Она вновь вгляделась в лицо девушки на фотографии и лишь сейчас увидела то, что изображена не взрослая девушка, а ее ровесница. Острый подбородок, высокие скулы, ямочки на щеках, добродушная улыбка. А в глазах, если вглядеться, читается печаль, боль, но все же они, превозмогая все эмоции, поглощающие изнутри, горят.

- Да, - качнула головой Елена, взглянув на фотографию подруги, а потом наклонила голову набок, доставая из ящика стола пожелтевшую фотокарточку. Женщина протянула ее ученице.

Саша взяла фотографию и приподняла брови. На ней была запечатлена троица молодых людей: юноша и две девушки. На них были опрятные гимнастёрки, пилотки... стандартная фотография военных лет.

- Мы пошли в партизаны. Недалеко от Валуек был создан лагерь, - проговорила Елена Викторовна, сцепив пальцы в замок и глядя в окно. За стеклом уже темнело. -

Сашенька, тебя, наверное, ждут. А я тут, понимаешь, отвлекаю тебя...

- Нет-нет, Елена Викторовна, не отвлекаете... но расскажите про их подвиг, а. И я больше Вас не буду отвлекать, - быстро попросила ученица, умоляюще глядя на преподавателя.

•••

- Анисимова, Чалов, Жукова - первый отряд. Федосеевы, Березовский - второй отряд. В этом лесу есть убежище немцев, у них там важные документы о плановых точках захвата, - быстро и негромко произнёс Василий Петрович, командир лагеря юных партизанов, склонившись над картой. - Задача: отметить точное местоположение на карте. Дальше взрослые разбер...

– Василь Петрович, мы сами можем же. Проникнуть, забрать, заминировать, избавиться, - быстро встряла Женя в слова командира, но, поймав его недовольный взгляд, затихла.

– Анисимова, твоё дело выполнять приказ, а не придумывать свои пути решения, ясно? - громче рыкнул командир на девушку.

– Так точно, - тихо ответила Женя, коротко глянув на друзей. Колька недовольно глянул на подругу, нахмутив брови, а его сестра качнула головой.

– Убежище в этой округности. Вам нужно немного разделиться в данном месте, идти параллельно друг другу, - продолжал инструктаж командир, ткнув указательным пальцем в одну из точек на карте. – Чтобы максимально быстро объединиться в случае окружения или находки укрытия. Это и так опасный закуток, но лес молодой, прятаться взрослым партизанам негде. У вас шансов больше. Отпускаю вас скрепя сердце, ребят... Будьте осторожны. И следуйте плану, ясно, Ласточка?

Женя удивлённо изогнула бровь, услышав вместо фамилии своё прозвище, данное в отряде, свое кодовое имя, но потом быстро и твёрдо кивнула.

– Так точно, - слабо улыбнулась девушка.

В душе Василия Петровича тяготело дурное предчувствие. Что-то ждёт его юный, но опытный отряд. За два года ребята повидали многое, поэтому это задание должно быть выполнено максимально быстро. Хотя закуток и опасный...

– Тогда свободны. Через два часа встречаемся где всегда. Анисимова, Федосеев, подойдите ко мне на секунду.

Отряд разошёлся, Женя и Коля по просьбе подошли к командиру.

– Ребят, я мужик не суеверный, но сердце моё старое не спокойно. Смотрите за своими, ладно? И сами осторожны будьте, - тихо, словно виновато, произнёс Василий Петрович, переводя взгляд с юноши на девушку.

Евгения и Николай напряжённо переглянулись, а потом синхронно кивнули. Девушка сама была напряжена, словно что-то предчувствовала.

– Так точно, мы вас поняли, - тихо произнёс Федосеев, качнув головой.

Василий Петрович притянул молодых людей к себе и потрепал по волосам большой, как лопата, ладонью. Она, как и гимнастёрка, пахла порохом и металлом.

– Ступайте, молодёжь. Через два часа, - напомнил командир и подтолкнул ребят к выходу из палатки.

Выйдя из так называемого штаба, Женя и Коля переглянулись.

– Пойдём на полянку, - вдруг предложил юноша, оглядев растерянную и напряжённую подругу сверху вниз, точно видел впервые.

За два года Женя изменилась. Волосы, криво срезанные перочинным ножиком до плеч, острые черты лица из-за голода. Неизменными оставались лишь серые блестящие глаза. Коля видел её глаза разными: в них блестели слезы, радость, боль, отчаяние, кокетство...

Женя согласилась без раздумий и сама потянула друга за руку к полянке, поправив ватник. Юноша без сопротивлений пошёл наравне с подругой.

– Мне страшно. Последний раз мне было так страшно, когда фашисты пришли в Михайловку, - тихо произнесла Евгения, немного сжав руку Коли. Тот промолчал в ответ, но девушка поняла, что после слов командира ему тоже страшно, особенно за сестру.

Дойдя до полянки, Женя тут же опустилась на снег. Она обняла колени и положила на них подбородок. Через полтора часа будет совсем темно. Вылазки в темноте - привычное дело для юных партизан. Так можно больше узнать, больше украсть, больше убить. Даже с этим словом ребята сталкивались не раз. На счету отряда,

состоящего из семи 16-18 летних ребят, уже двадцать три фашиста. Пятеро из них убиты Евгенией.

Коля спохватился быстро и, подхватив девушку за локти, дернул ее вверх, чтобы поднять. Женя не сопротивлялась и послушно встала. Юноша стал спешно отряхивать с ватника, штанов девушки снег, пока он не растаял и не намочил форму.

– Ты что творишь? - над ухом Жени сквозь зубы прошипел Коля, прижав её к себе спиной за плечи. Девушка чуть улыбнулась, но передернула плечами.

Резко подул ветер и поднял снег, разметав его. Женя резко повернулась к парню и прижала лицо к его плечу, пряча его от снега. Николай не ожидал такого, но скрестил руки на спине девушки и уткнулся лицом в короткие волосы подруги. Ветер стих и тогда молодые люди отошли друг от друга.

– Женька, будь осторожна, ладно? - тихо произнёс Коля, оставив одну руку подруги в своей. Рука девушки была холодной, буквально ледяной.

– Да-да, - качнула головой Женя и посмотрела в глаза парня. Брови юноши были напряженно сведены к переносице. – Поцелуй меня... Если что-то случится, я хотя бы буду ощущать себя взрослой.

Женя вдруг тепло улыбнулась, наблюдая, как менялось лицо Коли. Он буквально отдернул руку от руки подруги, глядя на нее так, будто видел впервые.

– Что ты говоришь? - медленно, выдавливая каждое слово, прохрипел парень. – Что "что-то"?

– Я не настаиваю, - мотнула головой Евгения, поправив прядь светлых волос за ухо. Девушка вернула пилотку ровно на место и, развернувшись на каблуках сапог, направилась к палатке. Коля ещё долго смотрел ей вслед, переваривая произошедшее.

Женя прекрасно понимала, что так не положено. А если бы их кто-то увидел, то позора не обернуться...

В назначенное время ребята были на месте. Коля косо поглядывал на Женю, которая поправляла винтовку и прочее снаряжение. Лена посмотрела на брата, коснулась его плеча рукой и прошептала:

– Коль, всё в порядке?

Парень лишь кивнул в ответ на вопрос сестры.

Последние указания были выданы, ребята осторожно отправились к указанной точке, где им придётся разойтись.

Кругом был слышен вой ветра, хищные птицы не кричали, а грелись где-то в своих гнездах. Ветки порой переплетались, скребли. Хрустела кора на промерзших деревьях, скрипел снег под подошвами шести пар тяжёлых сапог. Партизанам повезло, что не было метели, не было снега. Из губ ребят вырывались облачка пара. Качались тонкие берёзки. Лес действительно молодой, ему не больше пятнадцати лет.

Вася Чалов, который шёл первым, вдруг замер и немного махнул рукой. Весь отряд тут же присел, заметив этот жест, и затаил дыхание. До развилки оставалось меньше километра, но где-то недалеко звучали мужские голоса и их лающий язык.

Вася спешно обернулся к отряду и шепнул:

– Четыре немца.

– Нам нужно найти точку. Значит, расходимся тут, - уверенно шёпотом заявила Женя, приподнявшись. – Вася, Люба, - на своё имя Любовь Жукова тут же вскинула голову, отчего светлые косы девушки всколыхнулись, - идём к ним.

– Женя, ты совсем? - едва слышно выдохнул Коля, но половина их отряда уже подалась чуть правее, на голоса немцев, пытаясь хоть как-то вжиматься в тонкие деревья и не издавать ни звука.

Евгения наконец увидела в темноте силуэты немцев в пятнадцати шагах от себя. Она шла впереди Любы с Васей, потому вскинула руку чуть над плечом, показывая друзьям сигнал "стоп".

Девушка беззвучно спустила с плеча винтовку и уперла её приклад в левое плечо.

Указательный палец на курке. Прицел в тело одного из силуэтов. Главное, попасть.

Выдох. Анисимова на секунду зажмурила глаза. Грохнул выстрел.

Один из немцев вскрикнул и согнулся пополам: пуля попала в лопатку. Послышались, кажется ругательства. Остальные трое пытались найти источник выстрела, и несмотря на темноту в лесу им это удалось. Они увидели среди тонких деревьев три силуэта.

Вася и Люба сделали несколько быстрых шагов ближе и тоже выстрелили. От немцев полетели очереди. Винтовки звонко трещали, юные партизаны быстро и отработано перезаряжали свои оружия, перескакивали от дерева к дереву. Немецкие пули пролетали рядом, над головами, но чудом не задевали молодых людей.

Люба взвизгнула. На плече появилось кровавое пятно. Женя обернулась на подругу, но быстрее приблизилась к немцам, продолжая стрелять. Щёлкнуло что-то постороннее, не винтовка. От немцев камнем полетел некий овальный силуэт. Женя видела лишь очертания предмета. Он упал рядом с ней, девушка распахнула глаза от ужаса.

Граната. Грохнул взрыв.

Люба и Вася сумели дострелять немцев. Парень тут же подскочил к Жене, лежащей на снегу. Винтовка валялась рядом на снегу. Девушка смотрела на тёмное небо, казалось, что она просто задумалась. Из ватника торчала алая вата. Скула была вспорота осколком. Снег рядом с девушкой был горячим и влажным.

•••

Елена Викторовна вновь замолчала. Саша закрыла рот ладонью, широко распахнув глаза. Девушка тяжело дышала носом, сдерживая слезы.

– Мы в итоге нашли укрытие, отметили точкой, всё как велел Василий Петрович. Наши ряды поредели... взрослые отогнали немцев, забрали какие-то документы из этой землянки. А на входе в тот лес стоит большой булыжник. Его Васька с Колькой притащили от реки. Они на нём выскребли ножом надпись...

Саша выдохнула и положила фотокарточку с тремя партизанами на стол учительницы и проглотила ком в горле.

– А Женя всего лишь хотела любить и жить в мире, - выдохнула Елена Викторовна. – Она была одной из тех, кто дал жизнь нынешним поколениям.

– Она наша история... она наша память, - выдохнула Саша, процитировав какую-то книгу о войне, взяла рюкзак и тихо произнесла:

– До свидания...

Саша ушла быстро. А Лена Федосеева достала из ящичка фотокарточку с изображением брата, младшей сестрой, положила их перед собой. К ним поставила рамку с фотографией подруги. И протяжно запела песню про синий платочек, слыша голоса детства и не обращая внимания на слезы, скатывающиеся по щекам.